

Россия - ОПЕК: от конфронтации к многостороннему сотрудничеству *

* Окончание. [Начало в N 3 за 2002 г.](#)

● Адекватна ли реакция России на предложения ОПЕК?

Вплоть до начала ноября 2001 г. ОПЕК предпринимала односторонние сокращения поставок нефти на мировой рынок, стремясь удержать цены на более высоком уровне. К этому времени в течение 2001 г. она уже таким образом сократила свои поставки на 3,5 млн баррелей в сутки (мбс) при максимальном уровне мирового спроса на нефть в 2000 г. порядка 76 мбс. Однако дальнейшее снижение экспорта на сжимающийся (в результате экономического спада/рецессии в основных государствах-импортерах) рынок с 1 января 2002 г еще на 1,5 мбс ОПЕК обусловила снижением экспорта в странах, не входящих в эту организацию (в первую очередь - Мексика, Норвегия, Россия) на 0,5 мбс. Причем от России ждали снижения примерно на 0,2 мбс.

Россия отреагировала сначала категорическим неприятием какого-либо внешнего "диктата" в отношении того, в каких объемах ей осуществлять экспорт. Затем в заявлениях членов правительства наметились некоторые подвижки. Сначала речь пошла о принципиальной возможности снижения экспорта, потом стали называться конкретные цифры: 0,03, потом 0,05, наконец, 0,15 мбс. Таким образом, страны, не входящие в ОПЕК, подтвердили в итоге снижение своего суммарного экспорта на уровне, близком к ожидаемому от них, и, таким образом, "обусловленное" снижение экспорта ОПЕК также состоялось.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Однако мне хотелось бы остановиться на том, какой ценой было достигнуто согласованное решение и как траектория его достижения отразилась на репутации России - добавила "плюсов" или "минусов" к этой репутации. (На мой взгляд, понятие "репутации" для любого субъекта экономических отношений - будь-то страна, компания или физическое лицо - имеет конкретную инвестиционную цену, являясь одним из важнейших элементов инвестиционного или кредитного рейтинга. Для страны, находящейся в условиях инвестиционного дефицита, только-только встраивающейся в систему рыночных отношений, которые в цивилизованном мире развиваются в направлении формирования институтов и механизмов справедливой рыночной конкуренции, понятие "репутация" должно быть не менее значимым, чем поддерживаемое правительством России понятие "кодекс корпоративного поведения").

ОПЕК и некоторые аналитики считали, что Россия реагирует на ее предложения неадекватно. От нас ожидали сокращения экспорта на 0,2 мбс и более. Наша же страна заявляла (устаи как членов правительства, так и руководителей ряда крупнейших компаний), что это сделать либо невозможно (в том числе и по чисто техническим причинам), либо что объявленные масштабы сокращений дадутся ценой невероятного напряжения сил. Однако специалисты (как западные, так и отечественные) понимают, что это не так. Более того, имея представление о сезонной динамике экспорта, становится понятным, почему объявленные поначалу Россией сокращения в объеме 30, а потом 50 тыс. баррелей в сутки были восприняты в странах ОПЕК как неадекватная реакция, как насмешка (или - если жестче - как издевка, выданная за "жест доброй воли"). Ибо эти объемы намного меньше тех, на которые Россия регулярно в конце каждого года сокращает свой экспорт вне зависимости от конъюнктуры цен.

Понятно также, почему в то время, когда правительство отрицало возможность снижения экспорта или оперировало минимальными значениями такого снижения, президент ТНК С.Кукес говорил о наличии такой возможности без ущерба для компаний в объемах 0,12-0,15 мбс - эти цифры как раз соответствуют диапазону средних значений сезонного снижения экспорта за различные периоды.

Очевидно, все это не являлось откровением и для ОПЕК, которая имеет очень хорошую, на мой взгляд, экономическую и информационно-аналитическую службу. Поэтому поведение России может восприниматься как не вполне адекватное, не соответствующее текущей ситуации на рынке и тому вкладу, который она могла бы принести в нормализацию цен в своих же собственных, кстати, интересах. В связи с этим итоговое решение о снижении экспорта на 0,15 мбс мне хотелось бы расценивать как начало нового этапа прогрессивного поведения России на мировом рынке нефти.

● Почему правительство и компании раскачивали рынок?

Существуют несколько объяснений. Некоторые из них достаточно широко обсуждались в СМИ, поэтому лишь обозначу их: здесь и связь с событиями 11 сентября (нежелание слишком сближаться с ОПЕК, чтобы не портить вроде бы начавшие налаживаться отношения с США); и нежелание восприниматься мировым сообществом в качестве страны, несамостоятельной в принятии решений, тем более имеющих глобальное значение; и переоценка "запаса прочности" на случай снижения нефтяных цен, позволяющего, по мнению ряда правительственных чиновников, России продержаться дольше, чем ОПЕК, если последняя начнет "ценовую войну" (поскольку мы меньше - что справедливо - зависим от экспортных нефтяных доходов, чем ОПЕК); и различающиеся интересы российских нефтяных компаний, обладающих достаточными лоббистскими ресурсами, чтобы оказывать влияние на процесс принятия решений правительством и т.п.

Одними из наиболее убедительных в связи с этим, но только отчасти - на мой взгляд, являются аргументы аналитиков Объединенной финансовой группы (ОФГ) С.О'Салливана и Д.Авдеева. По их мнению, обосновываемому соответствующими расчетами, российские компании разделились на две группы в соответствии со своими экономическими интересами: те, кому выгоднее снижение добычи, и те, кому выгоднее снижение цен. К первой группе отнесены, например, "ЛУКОЙЛ" и "Татнефть". Ко второй - "ЮКОС" и "Сибнефть". Так, по мнению аналитиков ОФГ, "ЛУКОЙЛ", крупнейший российский производитель нефти, с медленно растущей добычей и с широкой ее базой за пределами России (в Казахстане и Азербайджане) не очень опасается введения Россией ограничений своего экспорта (то есть экспорта, происходящего с территории России), в то время как компании, ориентированные на развитие добычи в самой России и имеющие планы агрессивного ее роста в 2002 г. ("ЮКОС" и "Сибнефть", в которых, по заявлениям их первых лиц, добыча в 2002 г. должна возрасти на 24 и 22% соответственно, а в 2001 г. увеличилась на 14 и 20%), возражают против введения Россией ограничения экспорта или добычи, так как это нанесет им больший урон, чем снижение цен. На основании изложенного ОФГ делает вывод, что "для России в целом... снижение цен является меньшим из двух зол. Ограничение добычи будет иметь сходный эффект для текущих поступлений, что и более низкие цены, но окажет существенно больший эффект на будущую ценность нефтяных компаний вследствие негативных эффектов от снижения добычи".

Замечу, что аналитики ОФГ - и не только они - ведут речь о сокращении добычи, а ОПЕК призывала нас к сокращению экспорта, которое в течение некоторого времени может быть обеспечено, как было показано ранее, и без сокращения добычи (кстати, представители российского правительства, называя цифры 30, 50, 150 мбс, относили их то к снижению экспорта, то к снижению добычи). При этом для России и ее компаний основной негативный эффект представляет не низкий уровень цен, а их непредсказуемость и неупорядоченные колебания с большой амплитудой в случае сценария "ценовой войны".

Поэтому дополнительную актуальность приобретает отраженный и в Энергетической стратегии России вопрос о целесообразности формирования стратегического нефтяного

резерва (СНР) страны, который мог бы вобрать в себя черты как американского стратегического резерва и резерва ВМФ, так и коммерческих запасов стран-членов МЭА/ОЭСР. Только если эти резервы/запасы нацелены на уменьшение зависимости стран-потребителей от импорта нефти, то российский СНР мог бы (должен) быть нацелен на уменьшение негативных последствий неблагоприятной экспортной конъюнктуры и решение ряда других задач.

На мой взгляд, основной акцент в дискуссии по вопросу о снижении экспорта должен делаться на том, сколь продолжительным может оказаться такое снижение и как скоро смогут основные нефтепотребляющие экономики выйти из фазы экономического спада или рецессии, чтобы обеспечить тем самым рост спроса на нефть, позволяющий России и другим экспортерам снять взятые на себя временные ограничения экспорта. Ключевым в этом смысле станет второй квартал 2002 г. Если весенний сезонный рост спроса (связанный с пополнением запасов в преддверие летних отпусков и расходов транспортным сектором - автомобильным, авиационным, морским) сможет компенсировать сокращение спроса вследствие неблагоприятной общеэкономической конъюнктуры, ситуация на рынке нефти может нормализоваться и, как минимум, ослабить для экспортеров взятые на себя ограничения поставок на мировой рынок.

Накал страстей по вопросу снижения или не снижения экспорта (добычи) был столь велик, что дело дошло до открытой полемики между руководителями двух крупнейших российских нефтяных компаний - В.Алекперовым ("ЛУКОЙЛ") и М.Ходорковским ("ЮКОС"), - которую некоторые издания (например, журнал "Деньги") назвали "наиболее ярким событием в нефтяной отрасли", в которой одну сторону столь же публично поддержал президент ТНК С.Кукес, а другую - президент "Сибнефти" Е.Швидлер.

Сезонная динамика экспорта российской нефти								
Млн барр./сут.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	
I квартал	-	1,83	2,22	2,23	2,15	2,75	2,5	
II квартал	1,93	2,11	2,35	2,24	2,47	2,98	2,64	
III квартал	1,93	2,16	2,24	2,47	2,38	2,89	2,63	
IV квартал	1,86	2,23	2,09	2,27	2,14	2,86	2,52*	
Среднегодовой экспорт	1,9	2,08	2,22	2,3	2,29	2,87	2,58	
								Средние отклонения
								1995-2001 гг.
$Q_{IV} - Q_{I-III}$	-0,04	0,15	-0,13	-0,03	-0,15	-0,01	-0,06	-0,04
$Q_{IV} - Q_{II}$	-0,07	0,07	-0,15	-0,2	-0,24	-0,03	-0,11	-0,11
								1997-2001 гг.
								-0,08
								-0,15
*допущения								

Однако далее мне хотелось бы остановиться не на этой, широко отраженной в прессе, полемике и ее аргументах, а на сюжете, который не нашел пока адекватного отражения в СМИ, но который, по моему мнению, может отражать истинные мотивы именно такого (даже с публичными разногласиями) поведения компаний в стремлении обеспечить реализацию их общего интереса, объединяющего их в большей степени, чем их разъединяют отмеченные аналитиками ОФГ и другими специалистами экономические мотивации.

Этим объединяющим всех российских нефтяников интересом является газ. Точнее - недискриминационный доступ к газотранспортным системам ОАО "Газпром", то есть с гарантированным выходом на внешний рынок. Позволю себе высказать предположение, что именно газовый мотив может в первую очередь объяснить линию действия компаний и поведение правительства в сентябре-ноябре 2001 г. в отношении инициативы ОПЕК по удержанию нефтяных цен.

В правительстве, похоже, до сих пор существовало представление об устройстве нефтяного рынка по образцу и подобию 70-х годов (когда ОПЕК устанавливала цены). Постоянное смешение понятий "добыча" и "экспорт" (использование их в качестве синонимов), ряд других признаков дают основания предположить, что нефтяным компаниям не составило большого труда, пользуясь недостаточной осведомленностью чиновников правительства в обсуждаемых вопросах, убедить их поначалу в том, что решение поставленной перед ними задачи потребует очень больших жертв.

Убедив их в этом (то есть неимоверно подняв "цену вопроса"), далее, в ходе встреч премьера с нефтяниками, нефтяным "генералам" вряд ли было трудно доказать правительственным чиновникам то, что большие жертвы с их (нефтяников) стороны, принесенные на алтарь реализации политики правительства по сокращению экспорта в целях поддержания цен для (ни, боже упаси, проведения согласованной с ОПЕК политики) обеспечения пополнения доходной части бюджета на запланированном правительством уровне, требуют адекватной компенсации. Жертвенность должна быть вознаграждена...

В качестве такой компенсации (отступного) нефтяники могли обоснованно (в смысле - справедливо) запросить и, в итоге, судя по всему, получить доступ (или хотя бы обещание доступа) к газовой трубе с выходом на экспортный рынок. Пусть даже не сегодня (немедленно), а через два года, как об этом сообщил официальный представитель "КЖОСа" после состоявшегося 5 декабря совещания у премьера, на котором было принято решение о сокращении Россией экспорта нефти на 0,15 мбс с 1 января 2002 г.

Не зря же многие СМИ характеризовали решение о снижении экспорта как "джентльменское соглашение между нефтяниками и правительством". А у любого джентльменского соглашения есть обоюдные условия: нефтяники правительству - снижение экспорта, правительство нефтяникам - (похоже) доступ к газовой трубе.

Если это так, то нефтяникам удалось добиться решения важнейшей государственной задачи, заплатив за это "звоном монет", поскольку они, как минимум, ничего не потеряли (то есть не затратили дополнительно сверх обычных расходов).

Получив доступ к экспортным газопроводам, нефтяные компании смогут резко увеличить

свою капитализацию. Многие из них имеют сегодня на балансе большие запасы газа, в основном попутного, но не могут (в терминах международной финансовой отчетности) записать их к себе в активы, так как не имеют возможности вывести их на рынок, строить собственные газопроводы - удовольствие дорогостоящее, а координацию государственной экспортной политики проводит "Газпром".

Именно этот факт может объяснить формат совещаний, на которых принимались решения о сокращении экспорта (само такое решение, кстати, является легитимной прерогативой частных акционерных компаний и их акционеров, а не государства). Тот факт, что проводились они не в Минэнерго-тики РФ, а у главы российского правительства говорит не столько о том, что сегодня у Минэнерго России не осталось регулирующих функций, а о том, что именно на уровне главы правительства может быть принято решение о фактическом начале реформирования крупнейшей естественной монополии страны.

Сегодня решению этой важнейшей для нефтяного бизнеса и для страны в целом задачи мешает, в том числе, и "Газпром". Это значит, что данная задача будет решена и существующие на пути ее реализации помехи будут устранены. И если для этого потребуется реформирование "Газпрома", то консолидированными усилиями нефтяного бизнеса, окрепшего за десять лет в рыночной конкурентной борьбе, и власти "Газпром" будет реформирован - в большей ли, в меньшей ли степени, но реформирован настолько, насколько это будет необходимо для решения не только задачи доступа нефтяников (наряду с независимыми производителями газа) к газовой трубе, но и для более эффективного приспособления самого "Газпрома" к работе в условиях конкуренции не только на внешнем, но и на внутреннем рынке и т.п.

Кстати, именно поэтому нефтяные компании должны быть объективно заинтересованы с большим, чем ранее, энтузиазмом поддерживать необходимость ратификации Россией Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), поскольку этот документ (многостороннее международное соглашение, нормы которого, в случае его ратификации, превалируют над отечественным законодательством) - в рамках данного конкретного случая - защищает недискриминационный доступ негазпромовских производителей к газотранспортной инфраструктуре, против чего де-факто выступает "Газпром".

Таким образом в выигрыше от такого решения (о допуске нефтяников к газовой трубе) оказались бы все: и нефтяные компании, и государство (правительство), и сам "Газпром", необходимость реформирования которого в целях приспособления к новым реалиям на энергетических рынках и повышения эффективности его функционирования и развития давно назрела.

Второй, объединяющий нефтяников, точнее - нефтяные ВИНК, интерес - это поглощение ими малых и средних, неинтегрированных компаний опять-таки в целях повышения своей капитализации, причем также достаточно недорогой ценой. Крупные ВИНК заинтересованы в дальнейшем наращивании своих масштабов и капитализации с целью повышения эффективности (в том числе - за счет "эффекта концентрации"). Малые и средние неинтегрированные предприятия, гораздо более чем ВИНК уязвимы к падению цен, поэтому для значительной их части велика угроза разорения и дальнейшего поглощения крупными компаниями. М.Ходорковский неоднократно говорил о стратегической цели "ЮКОСа" - довести годовую добычу до 100 млн т (в 2002 г. компания планирует добыть 71,5 млн т, на 24,3% больше, чем в предыдущем году) и перегнать по этому показателю "ЛУКОЙЛ". В связи с этим не столь уж нереальной выглядит следующая стратегия поведения ВИНК второй группы ("ЮКОС" и др., возражающие против сокращения экспорта): воспользовавшись заявлением ОПЕК об "обусловленном" снижении поставок, пойти на конфронтацию, дать рынку на время "упасть" (Россия-де при этом продержится дольше, чем ОПЕК, в условиях "ценовой войны" мы зависим от нефтяных доходов на 15-20-30%, они - на все 75-90%), разорив тем самым малые неинтегрированные компании, скупить их по дешевке вместе с их активами, увеличив в результате свои запасы и капитализацию и поправив свои кредитные позиции (ВИНК этой группы набрали много займов).

Цена вопроса - 10% российской нефтедобычи (свыше 30 млн т в год, которые

обеспечивают около 140 малых и средних компаний). По некоторым оценкам, в случае падения цен в 2002 г. из них выживет лишь половина. Остальные - либо будут поглощены ВИНК, либо, оставаясь формально независимыми, потеряют способность проводить самостоятельную политику. На мой взгляд, государство должно быть заинтересовано в сохранении малых и средних неинтегрированных нефтяных компаний. Но это уже тема отдельной, самостоятельной, работы.

● Против кого дружить?

Политика блоков и картелей, то есть регулирование рынков с позиции силы или с позиции изоляции, на мой взгляд, сегодня уже не может быть эффективной. Это - объективная закономерность конкурентных глобальных рынков. В целях эффективного регулирования такого рынка необходимо предпринимать действия, сближающие интересы всех его участников, даже находящихся на разных концах нефтяной цепочки (добыча-потребление), чтобы найти баланс интересов всех игроков. Безусловно, каждому участнику такого многостороннего процесса поиска компромиссных решений придется чем-то поступиться, пойти на какие-то издержки во имя достижения более общей цели. В случае нефтяного рынка - для нахождения равновесного ценового коридора как для производителей, так и для потребителей и механизмов его эффективного сохранения в рамках системы многосторонних отношений производителей, потребителей и других участников нефтяных операций. Взаимоприемлемая мера этих издержек - вот вопрос для обсуждения, а не создание новых блоков, направленных против кого-то из участников рыночных отношений.

Иначе говоря, нужен юридически обязательный механизм коллективных действий по нормализации рынка. Регулирование с позиции силы, действовавшее в рамках монопольного рынка, должно уступить место регулированию с позиции международного права, поскольку только такой механизм может стать эффективным регулятором конкурентного рынка, построенного на основе принципов справедливой конкуренции.

Поэтому сегодня России стоит попытаться стать мостом в неизбежном диалоге между Европой и Ближним Востоком, между производителями и потребителями, между экспортёрами и импортёрами нефти. Основания (предпосылки) для этого есть - с голосом России считаются в ОПЕК, наша страна укрепляет свои позиции в "восьмерке". Политическая ситуация для этого также благоприятна: после событий 11 сентября 2001 г. происходит определенное сближение между Россией и США, и наоборот, возникли новые проблемы между США и их ближайшим союзником в Ближневосточном регионе - Саудовской Аравией; расширяется энергодиалог Россия - ЕС и т.п.

Сегодня, когда нефтяные проблемы снова волнуют всех, как и в 1973, 1979, 1986, 1997-1998 годах, у России . появляется шанс занять достойное место сначала в глобальном нефтяном диалоге, а затем и в обсуждении других общемировых экономических проблем.

● Что мы можем предложить?

Пока "ЛУКОЙЛ" не вывел нефть Тимано-Печоры через Варандей или каспийскую нефть через Джейхан на американский рынок, а "ЮКОС" не построил трубопровод в Китай из Восточной Сибири, для России мировой рынок сжимается до пределов западноевропейского. На этом рынке у нас есть возможность объединить интересы основных игроков: и производителей, и экспортёров, ОПЕК и свои - для того, чтобы выработать позицию, отражающую общий баланс интересов всех основных конъюнктурообразующих субъектов, действующих на этом рынке.

Более того, именно в рамках европейского рынка (в широком его понимании) в течение последнего десятилетия происходят поиски модели эффективного взаимодействия (сначала - в энергетике, затем - и в экономике в целом) между расположенными на этом континенте государствами, входившими ранее в противостоящие политические системы. Так, начиная с 1990 г. происходит формирование единого энергетического пространства в Европе (идея которого была выдвинута тогдашним премьер-министром Нидерландов Руудом Любберсом и трансформировалась со временем в Европейскую Энергетическую хартию и юридически

обязательный Договор к ней). В 2000 г. председатель Комиссии ЕС Романо Проди выдвинул идею формирования в Европе единого экономического пространства, которое/безусловно, будет иметь тенденцию к расширению и за пределы региона. Таким образом, современная история интеграционных процессов в Европе, более чем в других регионах, подготовила этот континент к поиску многостороннего баланса интересов государств и рыночных игроков.

Итак, сегодня назрел "тройственный" диалог ЕС - Россия - ОПЕК, направленный на нормализацию нефтяного рынка за счет согласованных действий вовлеченных в этот диалог государств. Несмотря на глобализацию мирового рынка нефти, на ключевую роль биржевых процессов ценообразования на мировом рынке именно государства могли бы сыграть системо-образующую роль в нормализации рынка, поскольку именно от государства на нем многое зависит. Причем именно Россия, ЕС и ОПЕК заинтересованы в умеренно высоких ценах:

- ЕС - поскольку именно государство получает основную выгоду от высоких цен и теряет от низких (в Европе на долю налогов в цене бензина приходится от 63% в Греции до 82% в Соединенном Королевстве против 28% в США);
- ОПЕК - потому что именно государственные (национальные) нефтяные компании осуществляют в этих странах добычу и экспорт нефти;
- Россия - поскольку именно государству принадлежит регулирующая роль в экспорте (установление экспортных пошлин, регулирование доступа к трубе).

В этом "тройственном диалоге" Россия могла бы претендовать на роль, как минимум, полноправного партнера, если не модератора. Эффект от согласованной политики может оказаться более действенным и дать более быстрые результаты. Ведь биржа реагирует в первую очередь на ожидания субъектов рынка и одновременно формирует их. Поэтому политика не конфронтации, но конструктивного сотрудничества, безусловно, окажет на биржевые котировки стабилизирующее воздействие.

Такой "тройственный диалог" может проводиться, например, за счет расширения рамок энергодиалога Россия - ЕС (с включением в него ОПЕК) либо за счет расширенных консультаций России с ОПЕК (с включением в них ЕС). Энергодиалог носит более формализованный характер, консультации - менее формальны. Оба процесса могут идти, в принципе, параллельно. Важно, что у всех трех игроков есть общие интересы: и Западная Европа, и Россия, и ОПЕК стремятся к поддержанию умеренно высоких цен. ЕС необходимы умеренно высокие цены на нефть, чтобы страны Европы могли продолжать проводить социальную политику, которая в значительной степени осуществляется за счет высоких налогов (акцизов) на нефтепродукты. В этом же заинтересованы Россия и ОПЕК, так как им нужны инвестиции. Это создает общий экономический фундамент для того, чтобы можно было выработать соответствующие механизмы нахождения сбалансированных решений в рамках конкурентного рынка, наиболее эффективными из которых будут отнюдь не политические. Политические механизмы окажутся лишь предварительным (промежуточным) шагом на пути к созданию международно-правовых инструментов, которые позволяли бы в рамках единого мира не только формировать систему двусторонних или многосторонних политических договоренностей, но и выработать экономико-правовые нормы - "правила игры", чтобы можно было эффективно предвосхищать негативные явления и реагировать на различные изменения на рынке.

Основа для этого есть: вот уже семь лет существует Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) - пока единственный многосторонний международно-правовой договор в сфере энергетики, объединяющий 51 страну (включая ЕС в качестве отдельного субъекта международно-правовых отношений), охватывающий вопросы инвестиций, торговли, транзита в энергетике. ДЭХ в основном имеет евразийское наполнение, но движение в сторону его расширения осуществляется в том числе и за счет стран Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока - ряд стран ОПЕК из этих регионов уже стали наблюдателями

в Энергетической хартии. В связи с этим ратификация ДЭХ Россией предоставила бы нашей стране дополнительные возможности по укреплению своего положения на мировом нефтяном рынке как потенциального модератора в нахождении баланса нефтяных интересов основных игроков на европейском экономическом пространстве в расширенном понимании этого слова.

Автор благодарит стажеров-исследователей Фонда ЭНИПиПФ Е.Мельникову и М.Белову за помощь при подготовке рукописи статьи и иллюстративных материалов к ней.